

Н. Долинина

Два императора

С первых страниц «Войны и мира» мы слышали о Наполеоне. Он занимал воображение гостей Анны Павловны Шерер; о нем спорили, его ненавидели, им восхищались... Потом мы видели его на поле Аустерлица, над раненым князем Андреем, и еще раз — в Тильзите, когда из узурпатора и врага Александра I он превратился в его царственного брата. Мы знаем, что он был героем и олицетворением французской революции для Пьера, чудовищем — для светских дам и французских эмигрантов, что князь Андрей преклонялся перед его военным гением и блестящей судьбой...

Мы слышали о Наполеоне и видели его глазами героев романа. Но только в третьем томе мы увидим его глазами Толстого — и этот Наполеон — новый, неожиданный для нас, потому что Толстой видит его не так, как Пьер или князь Андрей, не так, как Анна Павловна и ее гости, и не так, как видели его Пушкин и Лермонтов.

Чудесный жребий совершился,
Угас великий человек, —

писал Пушкин в год смерти Наполеона, за сорок лет до начала работы Толстого над «Войной и миром». Пушкинский Наполеон — «под шляпой с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом» — властитель дум целого поколения, романтический герой. Таков же он у Лермонтова: «на нем треугольная шляпа и серый походный сюртук», «на берег большими шагами он смело и прямо идет, соратников громко он кличет и маршалов грозно зовет...»

Таким представляли себе Наполеона князь Андрей и Пьер, таким знала его поверженная Европа. У Толстого он, на первый взгляд, тоже такой: «Войска знали о присутствии императора, искали его глазами, и, когда находили на горе перед палаткой *отделившуюся от свиты фигуру в сюртуке и шляпе*, они кидали вверх шапки, кричали: «Vive l'Empereur...» *На всех лицах этих людей было одно общее выражение радости о начале давно ожидаемого похода и восторга и преданности к человеку в сером сюртуке, стоявшему на горе*».

Таков Наполеон Толстого 12 июня 1812 года — в день, когда он приказал своим войскам переходить реку Неман и тем самым начал войну с Россией.

Но уже через несколько строк Наполеон станет другим, потому что для Толстого он прежде всего — воплощение войны, а война есть «противное человеческому разуму и человеческой природе событие».

В третьем томе Толстой не станет скрывать своей ненависти к Наполеону, он даст волю сарказму, будет зло издеваться над человеком, возбуждавшим обожание тысяч людей. За что Толстой так ненавидит Наполеона?

«Для него было не ново убеждение в том, что присутствие его на всех концах мира, от Африки до степей Московии, одинаково поражает и повергает людей в безумие самозабвения... Человек сорок улан потонуло в реке... Большинство прибилось назад к этому берегу... Но как только они вылезли... они закричали: «Виват!», восторженно глядя на то место, где стоял Наполеон, но где его уже не было, и в ту минуту считали себя счастливыми».

Все это не нравится Толстому — более того, возмущает его. Наполеон допускает, чтобы люди бессмысленно погибали в волнах из преданности ему. Наполеон позволил себе привыкнуть к мысли, что он — почти божество, что он может и должен вершить судьбы других людей, обрекать их на гибель, делать их счастливыми или несчастными... Толстой знает: такое понимание власти всегда приводит к преступлению, всегда несет зло.

Поэтому он ставит перед собой задачу развенчать Наполеона, разрушить легенду о его необыкновенности.

Первая наша встреча с Наполеоном состоялась на берегу Немана. Вторая — в Вильне, в том самом доме, где еще четыре дня назад жил Александр I. Наполеон принимает посланца русского царя в той самой комнате, откуда его отправлял Александр.

Толстой описывает Наполеона без малейших искажений — точно таким, каков был император Франции в 1812 году, когда ему исполнилось сорок три года. «Он был в синем мундире, раскрытом над белым жилетом, спускавшимся на *круглый живот*, в белых лосинах, обтягивающих *жирные ляжки коротких ног*, и в ботфортах... *Вся его потолстевшая, короткая фигура с широкими толстыми плечами и невольно выставленным вперед животом и грудью* имела тот представительный, осанистый вид, который всегда имеют живущие в холе сорокалетние люди».

Все — правда. И круглый живот, и короткие ноги, и толстые плечи. Именно таким был в 1812 году этот прежде легкий, худощавый человек. Но тысячи людей не замечали, не хотели видеть в нем ничего некрасивого — он был для них кумиром, полубогом. Даже физический недостаток Наполеона: когда он волновался, у него начинала дрожать левая нога, — даже это представлялось особенностью, выделяющей его среди других людей и потому прекрасной.

Толстой ничего не искажает, но многое подчеркивает. Он несколько раз говорит о «дрожанье икры в левой ноге Наполеона», еще и еще раз напоминает о его толщине, «короткой фигуре». Ничего необыкновенного не хочет видеть Толстой. Человек, как все, в свой срок погрузневший; просто человек, позволивший себе поверить, что он не такой, как другие люди. А из этого вытекает еще одно свойство, ненавистное Толстому, — неестественность. В портрете Наполеона, вышедшего навстречу посланцу русского царя, настойчиво подчеркнута его склонность делать себя: он только что причесался, но «одна прядь волос спускалась книзу над серединой широкого лба» — это была известная всему миру прическа Наполеона, ей подражали, ее нужно было сохранять. Даже то, что от него пахло одеколоном, вызывает гнев Толстого, потому что означает, что Наполеон очень занят собой и тем впечатлением, которое он производит на окружающих.

«Видно было, что уже давно для Наполеона в его убеждении не существовало возможности ошибок и что в его понятии все то, что он делал, было хорошо не потому, что оно сходилось с представлением того, что хорошо и дурно, но потому, что *он* делал это».

Таков Наполеон Толстого. Не только не величественный, но смешной и нелепый в своем убеждении, что история движется его волей, что все люди не могут на него не молиться. Вместо героической и трагической личности, какую мы видели у Пушкина и Лермонтова, — круглый человечек с пухлыми маленькими руками (а у Лермонтова — «могучие руки»), не в походной форме, известной всему миру, а в нарядном мундире, пахнущий одеколоном...

Где же правда? Чей Наполеон настоящий? Оба настоящие. И даже не оба, а десятки, может быть, сотни Наполеонов, описанных разными писателями, историками, мемуаристами, похожие и непохожие друг на друга, — все настоящие.

В Наполеоне был и тот великий человек, герой, была та неповторимая личность, какую видели в нем его солдаты, генералы, влюбленные в него писатели, был и тот самовлюбленный человек, какого написал Толстой. В каждом из нас живет не один человек, в нашем «я» борется несколько начал, и в крупных людях эта борьба острее и заметнее.

Литература не протокол, она не может и не должна быть вполне объективной. Кроме исторической личности, которую описывает автор, в книге всегда видна и личность автора: Пугачев в «Капитанской дочке» открывает нам не только Пугачева, но и Пушкина, как Кутузов в «Войне и мире» — не только Кутузова, но и Толстого. Толстой видел

Наполеона так, а не иначе, потому что у него была своя теория войны, свое понимание истории — их-то мы начинаем постигать, вглядываясь в описанных им исторических деятелей.

Мы помним, каков Александр I у Пушкина. Мальчиком-лицеистом он дерзко смеялся над всевластным царем: «Под Аустерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал». Зрелый Пушкин — после смерти Александра I, после декабрьского восстания — напишет знаменитые четыре строки; каждое слово в них продумано, выверено целой жизнью:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

У Толстого Александр не такой. Мы помним его на смотре войск перед Аустерлицем: молодой, красивый, возбуждающий поклонение офицеров... И даже после разгрома Аустерлица — растерянный, но величественный, и по-прежнему Николай Ростов обожает его, и в Тильзите толпа бежит за ним, преклоняясь и восхищаясь; у него прекрасные голубые глаза, он весь — величие, и невозможно себе представить, чтобы о нем можно было сказать: «плешивый щеголь»!

Но с первых же страниц третьего тома «Войны и мира» император Александр начинает напоминать пушкинскую характеристику. Раньше мы видели Александра, как и Наполеона, глазами героев романа — прежде всего влюбленного в него Николая Ростова. Теперь мы смотрим на царя с другой точки зрения — глазами Толстого.

В то самое время, как войска Наполеона стояли на берегу Немана, ожидая только приказа, чтобы начать войну, «русский император... более месяца уже жил в Вильне, делая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой все ожидали и для приготовления к которой император приехал из Петербурга... Все стремления людей, окружавших государя, казалось, были направлены только на то, чтобы заставлять государя, приятно проводя время, забыть о предстоящей войне».

Когда пришло известие о переходе войск Наполеона через русскую границу, Александр I был на бале. Мы прочли первые две главы, видели Наполеона в походном сюртуке, сидевшего на берегу Немана, и людей, гибнущих в волнах, и всю громаду французской армии; мы уже поняли серьезность происходящего — начиная читать третью главу, мы с трудом заставляем себя вернуться в призрачный мир, окружающий русского царя; «веселый, блестящий праздник»; графиня Элен Безухова со своей «тяжелой, так называемой русской красотой», ее «блестящие обнаженные плечи, выступавшие из темного газового с золотом платья». И царь, который, заметив Элен, удостоил ее танцем, и Борис Друбецкой, не спускающий глаз с царя... Трудно представить себе все это, зная, что пушки Наполеона уже глядят своими жерлами на город, где танцует Элен, и французская кавалерия скачет по русской земле, и движутся пехотинцы...

«Без объявления войны вступить в Россию. Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженного неприятеля не останется на моей земле», — сказал Александр I Балашеву и настаивал, чтобы эти слова непременно были переданы Наполеону. Александр гордился этими словами, но умный Балашев не передал их: «какое-то сложное чувство удержало его». Ведь и сам Александр не написал этих слов в письме, отправленном с Балашевым, потому что еще надеялся помириться и предотвратить войну.

Толстой не называет русского царя «плешивым щеголем», но и у него он «властитель слабый и лукавый». Сказать красивую фразу он может, а войска к войне не готовы, окружающие царя люди заняты своей карьерой; армия состоит из трех частей, не имеющих общего главнокомандующего, и царь колеблется, не знает, принять ли на себя это звание.

Правда все это или Толстой намеренно сгустил краски, а на самом деле Александр I не был так беспомощен и легкомыслен?

Известие о войне действительно застало царя на бале. Но ведь от Толстого зависело, сказать об этом читателю или показать Александра не в этот день, а, скажем, завтра, когда он совещался с генералами. Это тоже была бы правда, но писатель выбрал ту правду, которая помогала ему подтвердить свое понимание истории.

Наполеон и Александр I — разные люди, разного типа властители. Но оба они, по мнению Толстого, несут людям зло тем, что считают себя вправе решать судьбы народов.

Наполеон посылает свои полки в Россию, Александр в это время танцует на бале и произносит громкие фразы — но оба они, считает Толстой, ничего не определяют в движении истории, потому что она движется не волей императоров и полководцев, а обычной повседневной жизнью народа. Власть обоих императоров только мешает естественной жизни народа.

Мы далеко не во всем можем согласиться с философией истории, созданной Толстым. Но в его теории есть нечто очень привлекательное. Если история складывается из отдельных поступков отдельных людей, то каждый человек несет громадную ответственность за все, что происходит на земле, — каждый, а не только Наполеон или Александр I. Значит, и Пьер, и князь Андрей, и Наташа решали судьбу своей страны, значит, и каждый из нас решает ее своей жизнью.